

Г. Любарский

Размышления о системах, состоящих из неосведомленных граждан

Вне так давно переведенной на русский язык книге американского исследователя общественного мнения Джона Цаллера [Цаллер. 2004] содержится концепция, которая заставляет по-особому взглянуть на социальную и политическую динамику современных обществ. Кроме того, на основе предложенной им модели открывается возможность предсказаний, основанных на опросах граждан из страт разного типа.

Особенность работы Цаллера в сравнении со многими другими исследованиями состоит в том, что он ввел особую шкалу: ранжировал респондентов по уровню политической осведомленности. Основой для такого ранжирования служили простые фактологические вопросы о политической жизни США – от имен кандидатов в Конгресс до партии, составляющей в момент исследования большинство в Конгрессе; от формы правления в Китае или на Кубе до числа допустимых сроков пребывания на президентском посту и посту сенатора.

Элита производит политическую информацию, осведомленные граждане следят за ней с помощью СМИ, а малоинформированные граждане скорее подвергаются воздействию СМИ, нежели активно используют информацию

В первых главах работы Цаллер выделяет три группы людей: элиту, осведомленных граждан и малоосведомленных граждан – здесь он следует У. Липпману [Липпман. 2004] и в значительной степени воспроизводит теорию элит А. Грамши [Грамши. 1991]. Элита производит политическую информацию, осведомленные граждане следят за ней по

мере сил с помощью СМИ, а малоинформированные граждане скорее подвергаются воздействию СМИ, нежели активно используют информацию. Однако, переходя к изложению результатов конкретных опросов, Цаллер выделяет на графиках уже три другие группы: обладающие высокими, средними и низкими показателями по шкале политической осведомленности. Элиты по понятным причинам выпадают из дальнейшего обсуждения.

Хорошо информированные граждане – это граждане с высокими показателями по шкале политической осведомленности. Их характеристики совпадают с предсказаниями модели, вытекающей из типологии страт. Они отличаются высокой внутренней согласованностью и устойчивостью мнений, следуют за мнениями своей элиты (партии), сопротивляются потокам сообщений, принадлежащих иной партии. Благодаря работе с результатами конкретных исследований общественного мнения Цаллеру удалось весьма подробно охарактеризовать эту группу, выделить три типа сопротивляемости медиа-сообщениям.

Граждане со средними и низкими показателями по шкале политической осведомленности в значительной степени зависят от потока медиа-сообщений. По результатам анализа Цаллера, они характеризуются высокой долей неответов в ситуациях опроса, низкой согласованностью и непротиворечивостью мнений, низкой устойчивостью (воспроизводимостью в повторном обследовании). К сожалению, результаты Цаллера основаны на очень немногочисленных исследованиях общественного мнения, так как в большинстве исследований не задействованы вопросы, позволяющие построить шкалу политической осведомленности; также редки исследования, в которых респондентов опрашивают вторично через некоторый промежуток времени.

Теперь можно обратить внимание на другой аспект работы Цаллера, который у него самого не вызывает особого интереса, поскольку не входит как значимый элемент в его концепцию и не моделируется. Это данные о количественном составе различно осведомленных в политике групп населения. Элиты составляют максимум 1,5–2%. Для полстеров, как правило, они недостижимы и практически не участвуют в опросах. Хорошо осведомленные граждане составляют, по оценкам Цаллера, верхний дециль по шкале политической осведомленности, то есть 5–10% населения. Остальные примерно 90% относятся к категории средне- и слабоинформированных.

Итак, вывод относительно исследований общественного мнения, вытекающий из разработанной Цаллером методологии исследования, состоит в том, что представление населения как гомогенного в аспекте осведомленности, владения информацией вносит очень сильные искажения в результаты исследования. До Цаллера исследователи общественного мнения полагали, что все граждане с равным успехом могут иметь мнения по политическим проблемам; выборка может быть гетерогенной по результату (существуют сторонники и противники определенной позиции), но она гомогенна относительно самого принципа выражения мнения.

Цаллер установил ряд специфических правил, регулирующих реакции каждой из групп. Например, наименее осведомленные граждане очень слабо запоминают медиа-информацию, но зато относятся к ней не критически, при ответе на вопрос воспроизводя то, что они узнали из СМИ. Среднеинформированные граждане лучше запоминают информацию, но в целом во время опросов ведут себя так же – реагируют в соответствии с последними услышанными сообщениями. У них несколько выше способность согласовывать противоречивые мнения внутри одной группы вопросов, и они четко реагируют на “подсказки”, позволяющие им вспомнить знакомые мнения-клише. Однако их способность давать устойчивые и несамопротиворечивые ответы при повторном опросе крайне низка, при новом опросе они снова актуализируют последние услышанные медиа-сообщения, и бывает, что уже через несколько недель они дают противоположные по смыслу ответы.

Хорошо информированные граждане запоминают довольно большое количество высказываний, способны согласовывать свои ответы по смыслу

(выражать некоторую политическую позицию), достаточно долго сохраняют взгляды и могут устойчиво воспроизводить свои ответы – и при этом их позиция тесно связана с передаваемыми СМИ мнениями партии, сторонниками которой они являются. То есть эти хорошо информированные граждане могут сопротивляться (некоторое время) потоку разнородных медиа-сообщений, но они до-

Представление населения как гомогенного в аспекте осведомленности, владения информацией вносит очень сильные искажения в результаты исследования

вольно жестко следуют за линией, которой придерживаются члены их партийной элиты. Однако в населении этих хорошо информированных граждан всегда не очень-то много.

Данные, приведенные Цаллером, позволяют сделать вывод, что в отношении такого ресурса, как информация по политическим и социальным проблемам, люди отчетливо делятся на группы, сильно различающиеся по степени осведомленности и по этой причине различным образом реагирующие на вопросы исследователей. Эти результаты позволяют по-новому взглянуть на то, что можно обозначить как “политическая система” демократического общества. Согласно достаточно разработанной теории [Вебер. 1990, 1992; Мигранян. 1989; Шумпетер. 1995; Хабермас. 1995, 2001; Held. 1987; Mommsen. 1992; Sartori. 1987], демократическое общество можно описать (разумеется, очень грубо) следующим образом: оно состоит из исполнительной власти и остального населения, которое осуществляет обратную связь через механизм выборов. Если власть проводит курс, который большинству населения представляется ошибочным, снижающим уровень благосостояния граждан или безопасность государства, то на выборах население голосует за иную партию, которая сформирует новое правительство и исправит ошибки курса предшественников.

Однако такие акции, как выборы, референдумы, опросы общественного мнения и другие виды экспликации “гласа народа”, в политической системе демократии функционируют несколько иначе, нежели исполнение функции отрицательной

обратной связи. В контексте рассуждений Цаллера более соответствующей действительности оказывается иная модель демократического общества, которая подчеркивает роль СМИ, их участие в формировании общественного мнения, создании информации о проблемах, на которые подавляющее большинство граждан почти не обращают внимания, но при выражении своего мнения по той или иной проблеме вспоминают, что они “случайно” услышали, и актуализируют запомненное. В таком случае демократическое общество может быть представлено как пирамида, на вершине которой располагаются элиты. Между группировками элит идет борьба – в духе теории Вильфредо Парето. Когда одна из групп побеждает, она может организовать более плотный поток медиа-сообщений, чем соперничающая элита. Даже если перевес одной группировки элит над другой невелик, система “медиа+выборы” будет действовать как усилитель, выделяющий сигнал из шума. В результате общественное мнение оказывается способом бескровной передачи власти между группировками элиты, который обеспечивает медиа-власть. “Когда отсутствуют институты и образование, с помощью которых информация о среде доносится до людей столь успешно, что реалии общественной жизни могут быть сопоставлены с замкнутым на себе мнением отдельных групп, общие интересы полностью ускользают от общест-

венного мнения и могут управляться только специальным классом, личные интересы которого выходят за пределы местного сообщества” [Липпман. 2004. С. 293].

Таким образом, получается, что для современного общества, пожалуй, лучше подойдет не модель общества большинства (с идеей общества равных, динамической системой поддержания социальной солидарности и т. д.), а модель общества значимых меньшинств (обобщенно говоря – общества элит). Действительно, мы можем описать современное – *информационное* – общество как *разрозненную совокупность элит*, “излучающих” знания (сообщения) относительно сферы своей деятельности. Разрозненная – поскольку эти элиты не объединены в единую элиту, находятся в разных социальных полях. Элиты владеют сведениями, не касающимися непосредственно обыденной жизни населения, так что большинство людей в своем повседневном опыте не имеют необходимости накапливать знания (специализироваться) в этих областях. При этом эти далекие от обыденности сведения существенно влияют на судьбу общества в целом.

Мы можем мысленно разделить элитные сообщества на три большие группы: специалисты в сфере культуры, экономики и права (политики). В каждой из этих сфер общественной жизни верхушки иерархий могут быть названы “элитами” (теория элит в связи с функционированием демократического общества разобрана во многих работах, напр.: [Дай, Зиглер. 1984; Миллс. 1959; Москва. 1994; Парето. 1996, 1997; Vachrach. 1980; Vottomore. 1993]). Эти элиты существенно различаются по типу функционирования, однако ключевая проблема, которая напрямую или исподволь управляет их действиями, оказывается общей: всем им необходимо принимать в расчет наличие большого количества малокомпетентных потребителей их услуг.

В самом деле, сколько людей действительно компетентны, например, в проблемах здоровья и здравоохранения? Профессиональные врачи составляют менее 1% населения. Кроме них существует еще некое “компетентное меньшинство”, то есть некоторая часть образованного населения, которая из книг и СМИ черпает какую-то информацию о проблемах здоровья. Остальные – малоосведомленные граждане, чьи представления нерегулярны и несистематичны, текучи и податливы, подвержены моде и ситуативным мифологизациям. Такую же картину можно наблюдать в любой области знания.

Однако возьмем, к примеру, политические элиты. Они специализируются на решении политических проблем, далеких от обыденной жизни граждан, но сильно влияющих на эту обыденную жизнь; при этом имеются механизмы (демократия: выборы, референдумы, опросы), с помощью которых граждане могут влиять на решение таких вопросов. Эти механизмы мыслятся как поддерживающие устойчивость системы с помощью отрицательной обратной связи. Поскольку подавляющее большинство граждан некомпетентны в политических вопросах, а значит, их решения могут оказаться разрушительными для данной сферы, разработаны особые механизмы, которые ограничивают возможности выбора до нескольких (очень немногих) позиций и регулируют мнения граждан при выборе из этих позиций.

Опасность неустойчивости, появления угрожающих девиаций политические системы снимают старыми, разработанными еще в XVIII–XIX веках средствами: распределение власти между местными и центральными органами; разделение властей; система сдержек и противовесов; множественность юрисдикций; закрытая партийная система, то есть альтернативность партий, система права и в первую очередь – конституция. Однако есть и изобретения XX века: влияние медиа. Власть медиа определяется не только тем, что СМИ создают новости, которые затем влияют на важные в политическом смысле действия людей. Едва ли не большее значение имеет то, что медиа-сообщения создают фон: то, что не входит в новости, по умолчанию считается не-новым, привычным, то есть “истинным положением дел”, “реальностью”. Поскольку “новостная картина” рисуется на фоне обыденности, то чем ярче новость, тем в большей степени она (по контрасту) создает впечатление обыденности и однородности “фона” – обыденного контекста социальной жизни. Кроме того, медиа, мыслившиеся в качестве одного из механизмов отрицательной обратной связи (посредством которого управляющие элиты способны получать критику на свою работу), на деле работают совершенно иначе. Они скорее представляют собой фильтр, который оформляет и канализирует “шум”, возникающий при обращении кого-либо к мнениям больших масс некомпетентных людей.

Все коротко упомянутые средства повышения устойчивости социальной системы должны страховать демократию, говоря политическим языком,

от “тирании большинства”, а на языке системной теории – преобразовывать шум в осмысленные сигналы, которые затем довольно произвольно наделяются смыслом с целью построения из них идеологических систем. К примеру, если масс-медиа определяют наиболее общие параметры общественного мнения, они тем самым упорядочивают такие общественные функции, как голосование, референдумы, выборы. Вместо шума, производимого множеством неосведомленных граждан (и катастрофических положительных обратных связей), масс-медиа (вместе с партийно-политической системой) формируют осмысленный “сигнал”, значение которого – в формулировании мнения господствующей элиты. Выборы служат в качестве усилителя сигнала медиа, благодаря этому усилению более мощная на данный момент группа элиты может прийти к власти без прямой борьбы с представителями прежней элиты. Липпман по этому поводу пишет: “Они <федералисты – ГЛ> не видели никакого другого пути заменить “кровавую работу меча” на “умеренное влияние государственных чиновников”, кроме как изобрести хитрый механизм нейтрализации права общин устанавливать собственные законы” [Липпман. 2004. С. 266].

Таким образом, политическая система управляется тройко: прямыми решениями элиты; решениями граждан, осуществляющимися через выборы, и *косвенными влияниями*, регулирующими процесс формирования мнений граждан.

Создание нового общественного идеала – общества-конструкта, состоящего из “негодных” граждан, – произошло, поскольку XX век дал понять, что на собственные усилия граждан в деле сохранения и повышения общественного благосостояния рассчитывать нельзя

Действительно, для осуществления функции контроля над ошибками власти население (теоретически) должно быть достаточно компетентным, политически осведомленным, понимать сущность проводимых властью политических решений и быть детально информированным, чтобы разбираться в том, что является ошибками, а что – достижениями данного курса. В противном случае граж-

дане не могут обоснованно выбирать ту или иную партию, того или иного кандидата. Между тем из данных Цаллера вытекает, что 90% населения практически не обладают никакой компетенцией в политических вопросах (вплоть до незнания имени действующего президента, названия партии, имеющей большинство в Конгрессе, названий стран, с которыми данная страна находится в состоянии войны). Воздействия (какими принято считать выборы и частично – опросы общественного мнения) со стороны столь слабо осведомленного населения могут быть только шумом, способным дестабилизировать ситуацию, а не сигналом, увеличивающим ее устойчивость – если выборы и в самом деле служат обратной связью, регулирующей действия властей. Общество, в котором политическая система на 90% состоит из неинтересующихся общесоциальной тематикой людей, должно быть

крайне неустойчивым. Однако достаточно очевидно, что эти теоретические выкладки, хоть они и опираются на данные об осведомленности избирателей, не соответствуют “реальной политике”. Следовательно, можно предположить, что реальное общество устроено существенно иначе, чем это вытекает из общих принципов теории демократии и равенства. Вопрос “как именно?” не входит в задачу данного текста. Здесь нам важно подчеркнуть, что работа Цаллера в силу очень ясно сформулированной и эмпирически обоснованной базовой концепции (модель ВПФ) позволяет поставить проблему

Можем ли мы говорить, что общество, устроенное (или считающее себя устроенным) в соответствии с концепцией общественного долга и социальной солидарности, которое возлагает на граждан определенные обязательства, нагрузки,

необходимые для хорошего функционирования социальных институтов, – это общество сменилось (или находится в процессе замещения) иным, которое представляет собой конструкт, состоящий из “пассивных граждан”?

Это “иное общество” не требует от гражданина быть кем-то, кем он пока не является, однако в нем существует постоянный спрос на умелых конструкторов, которые могли бы собрать из некомпетентных и пассивных граждан социальные конструкции, успешно функционирующие, обеспечивающие максимальное благо для наибольшего числа людей, устойчивые и застрахованные от тирании. Это совсем иной идеал, нежели тот, в соответствии с которым разрабатывались “механизмы равенства”, – что вовсе не означает, что новое общество объявит себя обществом элитарным. Создание нового общественного идеала – общества-конструкта, состоящего из “негодных” граждан (как это говорилось в кибернетике 60-х – устойчивые системы из неустойчивых элементов) – произошло, поскольку XX век дал понять, что на собственные усилия граждан в деле общественного благосостояния рассчитывать нельзя. То есть одним из самых важных уроков, вынесенных политической наукой из событий XX века, стало представление об изначальном зле человеческой природы (противоположность руссоизму, на котором основывались идеи равенства XIX века). Людям нельзя доверять влияние на общественное устройство, так формулируется урок XX века, и профессионалы, озабоченные устройством общества, принялись искать способы построения институтов, не апеллирующих к уровню развития гражданина. Однако найденный вариант устройства общества оказался не *обществом равенства*, а *обществом элит*.

Тем самым работа Джона Цаллера позволяет двигаться в разных направлениях. Ее можно прочесть “только” как технологическое руководство для поллстеров, позволяющее внести некоторые поправки в механизм опросов. А можно продолжить рассуждения, основываясь на высказанных Цаллером идеях, в каком-то смысле довести их до абсурда и задуматься над новым обществом элит. Или, например, можно увидеть, что эти “элиты” столь же замкнуты в производимом ими “мире мнений”, как и прочие, и привилегированность элит весьма относительна. А можно попробовать найти источники устойчивости современного мира – ведь если теория говорит, что он неустойчив, а в реальности

он “стоит” – значит, мы не все понимаем в устройстве современного общества. Осмысление может происходить на разных уровнях – и для всех этих мыслей книга Цаллера является отличным отправным пунктом. ■

Литература

- Bachrach P.* The theory of democratic elitism: A critique. N.Y.: University Press of America, 1980.
- Bottomore T.* Elites and society. 2nd edition. London: Routledge, 1993.
- Held D.* Models of democracy. Cambridge: Polity Press, 1987.
- Mommsen W.* The political and social theory of Max Weber. Chicago: Chicago Univ. Press, 1992.
- Sartori G.* The theory of democracy revisited. Chatham (N.Y.): Chatham House Publishers, 1987.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия / Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–670.
- Вебер М.* О буржуазной демократии в России // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 130–134.
- Грашши А.* Возникновение интеллигенции / Искусство и политика. Т. 1. М.: Искусство, 1991.
- Дай Т., Зиглер Л.* Демократия для элиты. М.: Юридическая литература, 1984.
- Липпман У.* Общественное мнение. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004 (Lippmann W. 1946. Public Opinion. New York: Penguin).
- Мигранян А.М.* Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 148–158.
- Миллс Р.* Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959.
- Моска Г.* Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.
- Парето В.* Трансформация демократии / Западноевропейская социология XIX–начала XX века / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 155–166.
- Парето В.* Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли. В 5 тт. М.: Мысль. Т. 2, 1997. С. 59–67.
- Хабермас Ю.* Демократия, разум, нравственность. М.: Academia, 1995.
- Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. С-Пб.: Наука, 2001.
- Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004.
- Шумпетер Й.* Капитализм, социализм, демократия. М.: Экономика, 1995.